

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна — доктор социологических наук, заместитель главного редактора сетевого научного журнала «Вестник Института социологии», главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, каб. 502; illaio@yandex.ru)

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович — кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, каб. 502; kirvik@bk.ru)

ИТОГИ ВЫБОРОВ-2016 КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье анализируются результаты кампании по выборам в Государственную думу ФС РФ и региональные органы власти 2016 г. в сопоставлении с результатами исследований, проведенных авторами в регионах России в 2013–2015 гг. Авторы показывают, что прошедшие выборы ярко продемонстрировали ряд характерных для российской политической культуры феноменов, ранее наблюдаемых только в ходе региональных исследований. По итогам анализа авторы делают вывод, что складывающаяся политическая система вполне адекватна объективно существующей ситуации, даже если она кажется не вполне демократической и «прогрессивной».

Ключевые слова: выборы-2016, выборная кампания, политические партии, протестное движение

Выводы, сделанные на основе анализа итогов выборной кампании 2016 г., могут считаться твердо эмпирически обоснованными. Кроме того, даже самый предварительный анализ показал, что на этих выборах ярко проявились тенденции, отмеченные в ходе исследований, проводившихся нами в российских регионах в 2013–2015 гг.¹ Представляется весьма полезным соотнести результаты данных исследований с основными итогами прошедших федеральных и региональных выборов.

Итак, первый вывод, который можно сделать — это бессмысленность протестных выступлений 2011–2012 гг. и всей последующей информационной кампании в поддержку «несистемной оппозиции» и «креативного класса». Как известно, итогом тех протестов стала встреча Д. Медведева с лидерами «несистемного» движения 24 февраля 2012 г., по результатам которой в стране были проведены реформы избирательной системы институционального, организационного и кадрового характера. Но все эти меры по обеспечению прозрачности выборов дали результат лишь в смысле повышения уровня их легитимности, поскольку число нарушений было незначительным, и формальных оснований для сомнений в результатах почти не появилось.

Самый громкий провал на выборах потерпели именно те силы, которые в 2011 г. выступали основными вдохновителями протестов, главными инициаторами реформы избирательной системы и рассматривались как основные выгодоприобретатели этих преобразований. Так, и прямо продолжавшие дело Болотной площади «Яблоко» и «Парнас», и более лояльные властям, но в принципе рассчитывавшие на тот же электорат («рассерженные горожане») Партия роста и Гражданская платформа показали почти нулевые результаты. Никто из них не

¹ Исследования проводились в рамках проектов РФФИ № 13-06-00314А (ИКРБС ЕГИСУ 316021750028) «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» и РГНФ № 13-33-01031 (ИКРБС ЕГИСУ 316021750027) «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России». Исследованием охвачены более 20 субъектов РФ, в т.ч. Московская, Тамбовская, Свердловская, Орловская, Смоленская, Ивановская обл., Республика Крым и ГФЗ Севастополь. Основной метод сбора данных — глубинные интервью и фокус-группы.

смог набрать даже 3% голосов, необходимых для получения государственного финансирования в следующем электоральном цикле. Более того, они даже в совокупности не дотянули до преодоления 5-процентного барьера, что указывает на бесполезность и бессмысленность давно призываемого, но так и не состоявшегося «объединения демократических сил». Причем, если вспомнить, что в марте 2011 г. на президентских выборах кандидат «новой оппозиции» М. Прохоров набрал более 11% голосов, провал выглядит еще более грандиозным: даже свой базовый электорат непарламентские партии либеральной направленности растеряли почти на 2/3. Таким образом, можно констатировать крах либерально-западнического проекта в России.

В связи с этим стоит обратить внимание и еще на одно обстоятельство, как-то не отмеченное в развернувшихся в СМИ поствыборных дискуссиях: это даже не провал, а полное обнуление собственно демократической повестки. Ведь даже партии, претендовавшие на выражение интересов «креативного класса», вовсе не решились говорить о таких значительных для дискурса западного политического сообщества аспектах, как европейские ценности, толерантность, права меньшинств, свобода самовыражения и т.п. Ничто из перечисленного за всю предвыборную кампанию нигде ни разу не прозвучало. «Яблоко» строило свою кампанию на социально-экономических лозунгах, «Парнас» — на антикоммунизме и борьбе с коррупцией, Партия роста — на защите прав предпринимателей и развитии малого бизнеса. Видимо, идеологи этих партий все-таки поняли, что вышеперечисленные понятия потеряли в глазах россиян всякую ценность и никак не смогут послужить мобилизирующим фактором для сколько-нибудь численно значимого электората. Более того, победа на выборах в США Д. Трампа показала, что даже в ядре западного мира очень многие граждане отвернулись от неолиберализма и «современных ценностей». И только лишь некоторые представители научно-экспертного сообщества, включая весьма уважаемых исследователей, донныне продолжают рассуждать о демократии, демократизации и культурной модернизации так, словно бы с 2008 г. ни в стране, ни в мире ничего не поменялось [Дорожкин 2016].

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что начавшийся в 2011 г. процесс, многими ошибочно принятый за «пробуждение гражданского общества» [Халий 2012: 104], пришел к естественному затуханию. Произошло ровно то, на что мы указывали еще несколько лет назад [Подъячев 2012: 161]: типичный каузальный протест сошел на нет по мере того, как вызвавшие его обстоятельства были устранены. Идейные же сторонники альтернативной политической линии остались в меньшинстве.

Но надо отметить и то, что иные альтернативные повестки — имперская, коммунистическая, националистическая — также не сработали. Партии, прибегавшие к жесткой антизападной риторике, критиковавшие В. Путина за нерешительность в 2014 г. (отказ от взятия Киева), уступки в Донбассе и Сирии и т.п., в сумме набрали больше голосов, чем партии либерального толка, но никто из них не смог набрать и 3% голосов. Единственное исключение здесь — ЛДПР, но эта партия построена не на идеологических лозунгах, а на харизме лидера и социальной функции (о чем скажем ниже).

Аналогичную ситуацию мы видим и в регионах: на губернаторских выборах победу 18 сентября везде одержали действующие руководители, представители «Единой России». В региональных представительных органах также будет преобладать ЕР, хотя оппозиционные партии, в т.ч. непарламентские, там имели больший успех, нежели на выборах федеральных.

В целом это подтверждает тенденцию, отмеченную нами еще в ходе проведенных в 2013–2015 годах исследований: избиратель голосует не за партию, а за чело-

века [Подъячев 2014: 132]. Успех на выборах могут иметь либо известные личности, медийные персонажи, либо локальные акторы, на протяжении длительного времени работавшие в данной местности и показавшие себя способными успешно решать те или иные конкретные проблемы. Вообще можно сказать, что локальный актер, ранее выявляемый лишь в ходе специальных исследований [Аксенова 2016: 52], на этих выборах впервые по-настоящему показал себя. Локальные акторы не ищут выгод для себя лично и, как правило, не ставят перед собой политические цели. Главное для них — реализация своих собственных проектов, того, в чем они видят свой долг. Собственно говоря, любовь к Родине (и прежде всего, к так называемой малой родине) и чувство долга, проявляющееся даже в безнадежных ситуациях, — это базовые ценности российских локальных акторов.

И успех ЕР в одномандатных округах объясняется, по нашему мнению, лишь тем, что именно эта партия смогла втянуть в себя подавляющее большинство как медийных фигур, так и локальных акторов высокого уровня. Последнее в значительной степени было обеспечено предварительными выборами и сотрудничеством с ОНФ. Кроме того, как показали наши исследования, локальные акторы стремились в ЕР вовсе не из-за административного давления, а потому, что видели в этой партии наилучшее средство для реализации собственных проектов и защиты интересов своих земляков [Актуализированные ценности... 2015: 246].

Другие партии смогли добиться какого-либо успеха лишь там, где они также привлекли в свои ряды локальных акторов. Однако последние приходили в оппозиционные партии лишь в том случае, если им не удавалось найти себе место в «Единой России» (причем, как правило, по причинам личного характера).

А в тех округах, где победу одержали представители оппозиции, и результат соответствующих партий должен быть выше, чем в среднем по стране. Данное предположение еще нуждается в эмпирической проверке, но на примере Ивановской обл. оно подтверждается. Руководство областного отделения КПРФ там активно, деятельно, успешно сотрудничает с локальными акторами и помогает местным жителям решать конкретные проблемы территорий [Актуализированные ценности... 2015: 255]. И в результате КПРФ получила там больше голосов, чем в среднем по стране. Хороший результат партии «Яблоко» в Республике Карелия (почти 8%) также подтверждает наше наблюдение о значении локальных акторов: там несколько авторитетных среди населения деятелей входят в состав этой партии.

Если же наша гипотеза верна, то это твердо и убедительно подтверждает основной вывод из прошедшей выборной кампании: люди в России голосуют не за партию, а за человека. Не партия дает людям известность и авторитет, а ровно наоборот. И успех ЕР объясняется именно тем, что эта партия привлекла в свои ряды наибольшее в стране число уважаемых людей, которых мы и называем локальными акторами. Вместе с тем тот факт, что в большинстве одномандатных округов представители ЕР набрали менее половины голосов и победили лишь благодаря системе простого большинства (ранее в РФ не применявшейся и внедренной как раз в интересах малых партий), показывает, что на местах достаточно ярких деятелей, не позволяющих представителям ЕР однозначно доминировать. Это значит, что все разговоры о слабости гражданского общества на местах, о «забитости» и «патернализме» населения так называемой глубинки не имеют под собой солидного эмпирического обоснования.

Важно отметить и роль партий как института обратной связи, канала, через который граждане добиваются решения определенных проблем. Как показали проведенные нами исследования, ЕР довольно быстро стала восприниматься гражданами как общественная приемная руководителей государства — В. Путина, Д. Медведева, через которую можно эффективнее донести до них свои жалобы. В другие партии, как правило, обращались тогда, когда не уда-

валось решить проблему с местными властями или через ЕР. Оппозиционные партии, разумеется, к жалобам граждан относились куда более внимательно, т.к. каждая успешно решенная конкретная проблема была для них способом повысить свой рейтинг. Причем помочь обратившимся гражданам пытались, не обращая внимания на их социальный статус и политические взгляды. Пальму первенства в этом держала КПРФ, тесно сотрудничавшая с активными гражданами и протестными Гражданской платформой, Партией пенсионеров, «Родиной», которые также стали активно участвовать в этом процессе. Однако непарламентским партиям значительных успехов на этом пути достичь было невозможно, прежде всего потому, что сами граждане не спешили туда обращаться, мало веря в их способность чем-то помочь.

КПРФ притягивала к себе значительную долю протестного электората, а также активно включалась в каузальные протесты граждан, направленные в основном на защиту городской среды от разрушения и учреждений образования/здравоохранения — от «оптимизации». Таким образом, партия выполняла важную социальную функцию, придавая стихийным каузальным движениям организованность, солидность и политический вес. Последнее часто способствовало успешному разрешению проблем и повышало авторитет партии. Но против коммунистов сыграло то, что КПРФ не предложила избирателям никакой привлекательной повестки, продолжая жить за счет советского капитала. И неуклонное снижение ее результатов, связанное, по-видимому, с естественной убылью ностальгирующего по прежним временам пожилого населения, показало, что багаж воспоминаний будет играть все меньшую роль.

Важную функцию выполняла также и ЛДПР, втягивая в себя низко социализированную, девиантную молодежь и способствуя ее социализации через вовлечение в партийную работу (большей частью связанную не с политическими, а с социально-благотворительными акциями). И здесь мы видим обратную картину: электоральные результаты партии улучшаются. Это опять-таки говорит о значимости локальных акторов, которых ЛДПР не привлекает извне, а выращивает внутри себя.

«Справедливая Россия» пыталась играть на правозащитном поле, но смогла достичь значительных успехов только в некоторых регионах, которые и принесли партии существенное число голосов (Свердловская обл. — 15%).

Таким образом, мы видим и то, что социальная функция у политических партий явно превалирует над любыми идеологическими установками, что вполне соответствует отмеченной нами в ходе региональных исследований тенденции: «огромное количество неразрешенных социальных проблем ведет к доминированию социальных ценностей над политическими во всех сферах жизнедеятельности» [Актуализированные ценности... 2015: 37].

Еще одна проблема, которая стала активно обсуждаться, — проблема низкой явки. Уже достаточно сказано о том, что явка в 40–45% вполне нормальна для стран развитой демократии, поэтому повторяться нет нужды. И весь опыт изучения избирательного процесса в разных странах говорит о том, что низкая явка всегда работает на пользу оппозиционных и особенно малых партий, т.к. их электорат более активен и мобилизован. Несостоятельно, на наш взгляд, и суждение о том, что невысокая явка говорит о недоверии всей политической системе. Если бы это было так, то и ЕР не показала бы столь высоких результатов, особенно на уровне территорий. С нашей точки зрения, в ситуации устойчивости режима люди не придадут особого значения самому институту выборов, поскольку видят в них «процедуру легитимации действующей власти, имеющую во многом торжественно-обрядовый характер, что-то вроде венчания на царство» [Подъячев 2014: 132]. Однако люди вполне понимают, что основной носитель

легитимности — президент и именно президентские выборы являются в этом смысле по-настоящему значимыми.

Но собранные нами в ходе исследований 2013–2015 гг. данные позволяют утверждать, что если бы в ходе предвыборной кампании какая-то политическая сила проявила себя ярко и ей поверили, то люди пошли бы голосовать. Но почти никто из оппозиционных партий не смог выйти на эти выборы с какой-либо позитивной программой, ограничившись только критикой действующей власти и общими лозунгами в стиле: «за все хорошее против всего плохого». И в этом смысле за прошедшее с 2011 г. время не поменялось ничего. Стоящие перед оппозиционными силами (особенно перед малыми партиями) проблемы остались с того времени неизменными: «Честные выборы — это чудесно. Под каким лозунгом? Под какую программу? Экономических идей (лозунгов) — нет. Социальных — нет. Внешнеполитических [кроме капитуляции и возвращения Крыма. — *Авт.*] — нет. Внутриполитических — нет. Лидера (лидеров) — нет»¹. Приведенная цитата относится именно к периоду перед президентскими выборами 2012 г., но, как видно, она остается актуальной и сегодня. Если не считать ЕР, то только КПРФ и Партия роста пытались предложить какую-то позитивную повестку. Но программа КПРФ опять сводилась к «возвращению в СССР», а сегодня это уже не работает. Что касается Партии роста, то она либо не смогла в полной мере донести свою программу до избирателя, либо же люди, которых в партии принимали за «свой» электорат, сами себя таким образом не идентифицировали. Так, например, в РФ есть большое число самозанятых, которым программа Партии роста могла бы быть вполне близка. Но они сами себя не определяют как деловых людей, предпринимателей и потому не видят в «партии бизнеса» защитника своих интересов. Впрочем, учитывая, что эта партия была создана за несколько месяцев до голосования, почти 700 тыс. голосов, полученных ею (а это больше, чем у ряда других, давно существовавших и ведших активную агитацию партий), говорят о хорошей перспективе. Это подтверждает и то, что наличие позитивной программы вполне может привлечь избирателя, считающегося аполитичным и равнодушным.

Также можно сказать, что многопартийность в России не удалась в том смысле, что сформировать партии западного образца за прошедшее с 1993 г. время не удалось. Единая Россия существует не как партия, а как институт обратной связи, и по мере вовлечения в ее ряды людей из ОНФ эта функция, насколько мы можем судить, выполняется все лучше. Кроме того, вовлечение в ряды ЕР активистов ОНФ дало обширное представительство в Госдуме профессиональных сообществ, а депутаты-одномандатники восстановили представительство территориальное. Таким образом, Государственная дума ФС РФ в нынешнем составе будет институтом не столько партийного, сколько профессионально-территориального представительства. И такая ситуация, по нашему мнению, сложилась не из-за целенаправленных действий федеральной власти (ведь реформы 2012 г. были, по сути, вырваны у власти «болотным» протестным движением, а не инициированы сверху), а естественным образом, самой силой вещей. Связано это, вероятнее всего, с тем, что западный парламентаризм, как бы это банально ни звучало, не соответствует российской политической культуре и не отвечает потребностям населения. Партии как агрегаторы интересов социальных групп у нас не прижились, поскольку таковых интересов не существует. Агрегация интересов происходит не по социально-имущественным стратам, а по профессиональным и территориальным сообществам, и складывающаяся на наших глазах система вполне адекватна объективно существующей ситуации. Впрочем, это вопрос, требующий отдельного, и весьма основательного, исследования.

¹ Радзиховский Л. 2012. Дуракаваляние. — *Взгляд* (сетевой деловой журнал). Доступ: <http://www.vz.ru/opinions/2012/2/14/561236.html> (проверено 30.09.2016).

Еще одно важное наблюдение, теперь получившее достоверное эмпирическое подтверждение: парадоксальное сочетание достаточно высокого уровня недовольства социально-экономической ситуацией со столь сильной поддержкой «партии власти», причем не только на федеральном, но и на региональном уровне. На наш взгляд, это объясняется тем, что граждане, особенно на уровне локальностей, гораздо лучше многих «экспертов» осознают ограниченность возможностей самих властей. Они видят, что власти более или менее справляются с теми задачами, которые они в состоянии решить. Нерешенные же проблемы, как правило, вызваны экзогенными факторами, которые не исчезнут от смены лиц на высоких постах, и люди это понимают. Понимают они и утопизм призывов к «тотальной смене элиты» [Митрошенков 2016: 27], поскольку никакой полноценной контрэлиты (по Парето), могущей в полной мере заменить нынешнюю, в России не существует. Управленческие кадры есть лишь те, которые есть, и жить нужно с ними, поскольку альтернатива — лишь анархия и хаос по украинскому или даже ливийскому сценарию. Вместе с тем люди на местах весьма бдительны, и в ситуациях, когда власти не будут делать то, что они способны сделать, молчать не станут.

Конечно, следует указать и на возможные риски и вызовы для нового парламента. На наш взгляд, серьезных рисков только два. Во-первых, велик риск того, что даже не сама ЕР как партия, а правительство и региональное чиновничество воспримут результаты выборов как основание для расслабленности и самоуспокоения. А граждане сегодня гораздо более бдительны, и они имеют такой институт объединения локальных акторов, как ОНФ. Так что, если чиновники решат, что следующие 5 лет можно ничего не делать, их ждет много неприятных сюрпризов. Во-вторых, есть опасность, что пришедшие в Думу активисты-одномандатники будут не столько работать над законами, сколько выступать ходатаями своих территорий, как во времена Ельцина, и это может весьма негативно сказаться на качестве законотворческой работы.

А политическим партиям — и в первую очередь непарламентским — следует обратить внимание на формирование позитивной повестки, действительно связанной с нуждами и чаяниями граждан России. Если они продолжат пребывать в своем иллюзорном мире¹ и оперировать понятиями, значимыми лишь для некоторых жителей Москвы и Санкт-Петербурга, то их ожидает неминуемый упадок.

Список литературы

Аксенова О.В. 2016. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. М.: ИС РАН. 304 с.

Актуализированные ценности современного российского общества (отв. ред. И.А. Халий). 2015. М.: ИС РАН. 273 с.

Дорожкин Ю.Н. 2016. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм. — *Власть*. № 8. С. 14-18.

Митрошенков О.А. 2016. Есть ли жизнь без нефти и газа? (управленческие аспекты смены экономической модели). — *Власть*. № 8. С. 19-28.

Подьячев К.В. 2012. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика. — *Вестник Института социологии*. № 5. С. 145-163.

Подьячев К.В. 2014. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России. — *Власть*. № 10. С. 129-134.

¹ Ходорковский призвал Запад создать стратегию на «постпутинский период». 2016. — *РБК.ру*. Доступ: http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/580f04169a79474d99bacc4d?utm_source=newsmail&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail1

Халий И.А. 2012. Государство и гражданское общество – враги или партнеры? (Материалы круглого стола). – *Полис. Политические исследования*. № 3.

KHALIY Irina Albertovna, Dr.Sci.(Soc.), Deputy Chief Editor of the Bulletin of the Institute of Sociology, Chief Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35, bld. 5, off. 502 Krzhizhanovskogo St, Moscow, 117218; illaio@yandex.ru)
POD'YACHEV Kirill Viktorovich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35, bld. 5, off. 502 Krzhizhanovskogo St, Moscow, 117218; kirvik@bk.ru)

THE RESULTS OF THE ELECTIONS IN 2016 AS A REFLECTION OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The article analyzes the results of the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and regional governments in 2016 in comparison with the results of studies conducted by the authors in the regions of Russia in 2013–2015. The authors show that the elections demonstrated a number of characteristic for the Russian political culture phenomena, which had been previously observed only in the course of regional studies. The analysis concludes that the emerging political system is quite adequate to actually existing situation, even if it seems not very democratic and progressive.*
Keywords: *election in 2016, election campaign, political parties, protest movement*

АНДРЮШИНА Евгения Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; eugenie80@mail.ru)
ПАНОВА Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; Panova@spa.msu.ru)

СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Данная статья является заключительной из цикла статей, основанных на материалах научного исследования «Состояние трудовых ресурсов в Дальневосточном федеральном округе (ДФВО) как территории опережающего развития Российской Федерации», реализуемого на факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова в 2016 г. В статье представлены результаты исследования политико-управленческих факторов, способных оказать воздействие на реализацию позитивных/негативных сценариев создания территорий опережающего развития как основного инструмента развития Дальневосточного региона, а также основных направлений современной государственной политики по развитию ДВФО.*

Ключевые слова: *Дальний Восток, геополитические ресурсы, государственная политика по социально-экономическому развитию, политический режим, территории опережающего развития*

С начала 2010-х гг. высшее политическое руководство РФ придает развитию Российского Дальнего Востока приоритетный характер, что обусловлено как геополитическим потенциалом данного макрорегиона, так и актуальными внешнеполитическими факторами, влияющими на формирование государственной